

текст

Алина ИвановаТихоокеанский
государственный
университет (Хабаровск)
Михаил БазилевичТихоокеанский
государственный
университет (Хабаровск)

text

Alina IvanovaPacific National University
(Khabarovsk)**Mikhail Bazilevich**Pacific National University
(Khabarovsk)Исследование выполнено
за счет гранта Российского
научного фонда

№ 24-28-20354,

[https://rscf.ru/
project/24-28-20354/](https://rscf.ru/project/24-28-20354/) иМинистерства образования
и науки Хабаровского
края (Соглашение

№ 119C/2024) /

Acknowledgements: The

study was supported by

a grant from the Russian

Science Foundation

No. 24-28-20354,

[https://rscf.ru/
project/24-28-20354/](https://rscf.ru/project/24-28-20354/)

and the Ministry of

Education and Science of

Khabarovsk Krai (Agreement

No. 119C/2024)

Статья открывает цикл публикаций, написанных авторами по гранту Российского научного фонда «Военная тема в архитектурно-пространственном освоении Дальнего Востока». Дается обзор «казарменного дискурса» от академической «Истории казарменного помещения войск в России» Н. П. Ляпидевского (1881–1885) до современных публикаций как отечественных, так и зарубежных исследователей. Приводятся различные периодизации развития казарменного строительства.

Ключевые слова: Красные казармы; гарнизонная архитектура; военные городки. /

The article opens a series of publications written by the authors as part of the work on the grant of the Russian Science Foundation “Military Theme in the Architectural and Spatial Development of the Far East”. An overview of the ‘barracks discourse’ is given from the academic “History of the Barracks of Troops in Russia” by N. P. Lyapidevsky (1881–1885) to modern publications of both domestic and foreign researchers. Various periodizations of the development of barracks construction are given.

Keywords. Red Barracks; garrison architecture; military camps.

Казарменный дискурс / Barracks discourse

Преамбула. Если принять за исходную точку рассуждений известный тезис о том, что первым признаком государства является институализированное право на вооруженное насилие, то военные казармы можно рассматривать как главный архитектурный символ государственной власти и основной инструмент заселения новых территорий (колоний). Меж тем военные казармы (в отличие от рабочих и железнодорожных казарм, растущий интерес к которым связан с массовой реновацией индустриального наследия рубежа XIX–XX вв.) остаются на периферии профессионального интереса. Как правило, историки архитектуры ограничиваются ампирическими казармами; публикации, раскрывающие культурно-историческое значение провинциальных казарм, имеют буквально единичный характер. В отличие от военной истории история русской военной архитектуры (за исключением крепостных сооружений) – относительно малоизученная область, хотя в фондах Российского государственного исторического архива (РГВИА, РГИА ДВ), Российского государственного архива военно-морского флота (РГАВМФ), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российской научной библиотеки (РНБ) хранится множество иллюстративных и текстовых источников, по которым можно реконструировать генезис отечественного казарменного строительства.

Уточнение терминологии. Анализируя историческое наследие военного ведомства, коллеги говорят о «военно-стратегической функции» (Николай Журин) и «военном урбанизме» (Дарья Шемелина), но мы предлагаем более эмоционально окрашенное и романтическое понятие «архитектура Марса», напоминающее о золотом веке русского ампира и объединяющее все архитектурные, фортификационные, градостроительные, мемориальные, символические объекты, связанные с военной темой.

Предметом нашего основного исследования является полувековое (1880–1930-е) развитие дальневосточной гарнизонной архитектуры, рассматриваемой в широком историческом контексте. Этим направлением мы занимаемся с 2018 года и рассказывали на страницах журнала «Проект Байкал» о промежуточных результатах и архивных находках [1]. Эта статья посвящена казармен-

ному дискурсу; даются краткие характеристики наиболее значимых (на наш взгляд) источников, так или иначе связанных с заявленной магистральной темой.

1. Исторические источники делятся на военные, административные и гражданские.

Военные источники характеризуются высокой концентрацией информации (все сжато, четко и конкретно); их можно рассматривать как мануалы – руководства к пользованию. В качестве двух основных военных источников назовем:

1) Литографированный курс лекций для старших классов Николаевской академии Генерального штаба Н. Л. Кирпичёва (1887) [2]. Курс Кирпичёва важен тем, что им пользовались все офицеры, учившиеся в академии Генштаба и на практике применявшие полученные знания по месту службы. Кирпичёв по пунктам разбирает основные технические параметры казарм, устройство канализации, вентиляции, освещения, отопления и проч. Цитаты из кирпичевского курса (без указания автора) встречаются во множестве публикаций, посвященных санитарно-гигиеническим обзорам казарм.

2) Альбомы и атласы типовых проектов казарм и военных городков (гарнизонов) с подробными пояснительными записками (издававшиеся Инженерным управлением как минимум с 1848 по 1883; именно этими годами датируются самый ранний и самый поздний альбомы чертежей, изученные нами в 1293 и 1669 фондах РГИА). Альбомы 1875, 1882 и 1883 для артиллерийских, кавалерийских и пехотных полков, выполненные в нескольких вариантах: каменные (рис. 1, 2, 3) и смешанные кирпично-деревянные казармы (рис. 4) являются основным визуальным источником по казарменному строительству в пореформенной России, а подробные пояснительные записки дают исчерпывающую информацию о том, каким должно было быть оптимальное устройство казармы с точки зрения военных инженеров.

В РНБ в открытом доступе хранятся атласы чертежей, изданных Главным инженерным управлением для руководства при составлении проектов в 1874–1875 (проекты казарм для резервных войск, проекты казарм для действующих войск, проекты деревянных казарм для батарей действующей армейской пехоты артиллерии), брошюро-

> Рис. 1. РГИА. Ф. 1669. Оп. 1 Д. 7. Проект казарм для гарнизонного батальона в составе 1046 человек. 1848

v Рис. 2. РГИА. Ф. 1293. Оп. 167. Д. 62А. Проект казарм для армейского пехотного полка. 1875

v Рис. 3. РГИА. Ф. 1293. Оп. 167. Д. 81. Проекты казарменных зданий специального каменного типа на пехотный полк. 1882

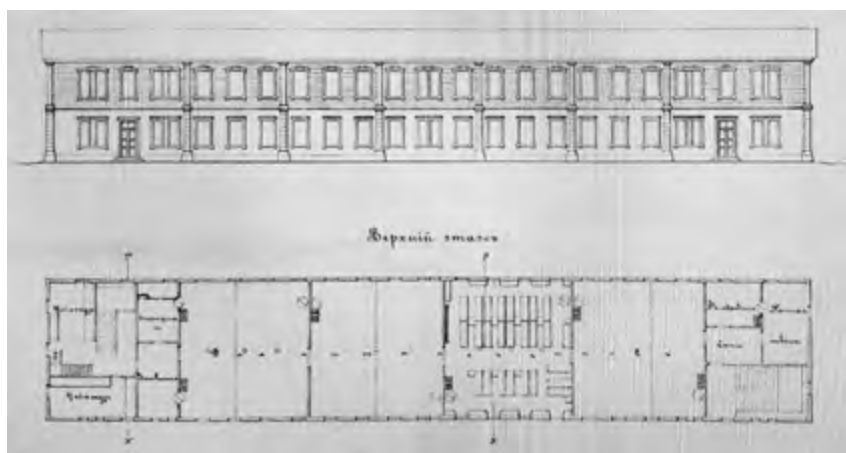
ванные вместе с пояснительными записками в один том формата 40 × 60 см.

Сравнивая проекты разных лет (1848, 1875, 1882), можно проследить изменения в архитектуре и планировках казарм, офицерских флигелей, лазаретов и прочих гарнизонных объектов. Комплект проектов одно-, двух- и трехэтажных построек для гарнизонного батальона, датируемый 1848 годом и утвержденный графом Клейнмихелем, решен в духе безордерного «николаевского» классицизма: цокольные этажи расшиты французским рустом, горизонтальное членение выражено широкими карнизами и межэтажными поясами, оконные проемы имеют арочные формы и украшены условными архивольтами, в качества декора используются гербовые картуши. Проекты не раскрашены: очевидно, подразумевалось оштукатуривание гладкой фасадной плоскости с последующей окраской охрой (рис. 1).

В проектах 1875 года заметен переход к открытой кирпичной кладке, хотя все еще выдерживается трехчастная классицистская структура протяженных фасадов (рис. 2). В проектах 1882 года кирпич становится основой формотворчества; это те самые хорошо знакомые каждому дальневосточнику краснокирпичные казармы, которые являются наиболее узнаваемым элементом культурного ландшафта Тихоокеанской России (рис. 3).

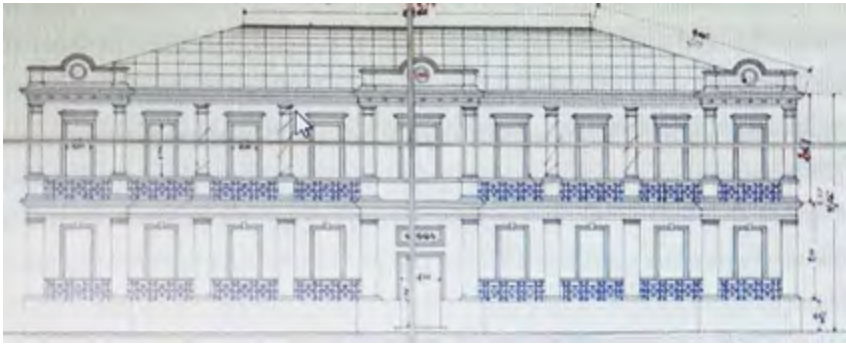
Отметим, что авторы проектов указывали на возможность адаптации предлагаемых архитектурно-планировочных решений к местным условиям. Чтобы показать широкий спектр открывающихся из этой предпосылки возможностей, приведем три проекта гарнизонных строений, предназначенных для разных регионов Российской империи: Владивосток (рис. 5), Баку (рис. 6), Севастополь (рис. 7) из 409 фонда РГАВМФ.

Административные источники, использовавшие в ходе работы, включают Всеподданейшие отчеты по управлению Восточно-Сибирским военным округом за разные годы из фондов Государственного архива Хабаровского края (ГАХК) и Всеподданейший отчет о произведенной в 1910 году по высочайшему повелению сенатора Антона Адамовича Глишинского ревизии учреждений военного ведомства Иркутского и Приамурского военных округов (хранится в открытом доступе в РНБ).

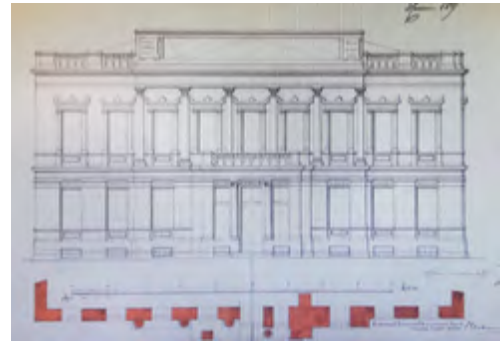

^ Рис. 4. РГИА. Ф. 1293. Оп. 167. Д. 80. Проект казарменных зданий специального каменного-деревянного типа на пехотный полк. 1882

< Рис. 5. РГАВМФ. Ф. 409. Проект дома для офицеров во Владивостоке

^ Рис. 6. РГАВМФ. Ф. 409. Проект дома для офицеров в Баку

^ Рис. 7. РГАВМФ. Ф. 409. Проект дома для офицеров в Севастополе

Наибольший интерес из пятитомного отчета сенатора Глищинского представляет 2 том, посвященный работе военно-инженерного ведомства и войсковых строительных комиссий, где описаны буквально все постройки военного ведомства в Иркутске, Сретенске, Верхнеудинске, Чите, Благовещенске, Хабаровске, Николаевске-на-Амуре, Никольске-Уссурийском, Спасске, Раздольном и Владивостоке. Так как отчет имел гриф «совершенно секретно», сенатор не пытался приукрасить существующее положение дел и максимально объективно зафиксировал текущее состояние дальневосточных крепостей, гарнизонов и арсеналов на 1910 год.

Гражданские источники менее структурированы, но зато учитывают различные точки зрения, часто диаметрально отличающиеся от военного-административного взгляда.

В профессиональных журналах («Зодчий», «Строитель») «архитектура Марса» была представлена в основном полковыми храмами и мемориальными постройками. Кроме культовых сооружений подробно анализировались проекты и ход строительства здания Офицерского собрания (1895–1898), музея А. В. Суворова (1901–1904) и других репрезентативных объектов, выполненных А. И. фон Гогеном по заказу военного ведомства, а также Федоровского городка, где по проекту В. Н. Максимова в 1915–1916 был построен ансамбль казарм Собственного Его Императорского Величества конвоя. Рядовая гарнизонная архитектура и сами краснокирпичные казармы, являющиеся объектом нашего исследования, мало интересовали современников. В «Строителе» теме солдатских казарм были посвящены одна-две короткие заметки за год (как правило, речь шла о московских, варшавских и киевских казармах). Издатель «Строителя» Г. В. Барановский в своей монументальной многотомной «Архитектурной энциклопедии второй половины XIX в.» (Санкт-Петербург, 1904) отвел казармам 15 страниц. В 9-м разделе IV тома («Жилища и службы») были представлены генпланы, перспективные виды, фасады и поэтажные планы германских, французских и русских казарм. Русским казармам было отведено 6,5 страниц с воспроизведением «нормальных планов казарменных построек в России» из альбомов упомяну-

тых выше типовых чертежей, выходивших в 1860–1880-х. Имена архитекторов русских казарм (в отличие от германских и французских) не были указаны, хотя проекты в альбомах типовых чертежей подписаны; возможно, Барановский использовал информацию «из вторых рук». Иллюстративный материал, опубликованный Г. В. Барановским, неоднократно воспроизводился без каких-либо ссылок на первоисточник. Заметим, что эта практика продолжается до сих пор. Для того чтобы ознакомиться с самими альбомами типовых чертежей казарм, надо, как минимум, попасть в РГИА, а Энциклопедия Барановского, переизданная московским издательством Арт-Родник в 2006 году, достаточно доступна (судя по тому, что ее полный комплект есть в университетской библиотеке Тихоокеанского университета, Хабаровск), и представленные там планы и фасады казарм кочуют по статьям и монографиям.

То же относится к базовому тексту русского казарменного нарратива – классической работе Н. П. Ляпидевского «История казарменного помещения войск в России», публикация которой в «Инженерном журнале» (далее – ИЖ) растянулась на 5 лет (1881–1885) [3]. Ляпидевского до сих пор цитируют абзацами (а то и страницами), часто без указания авторства. Так как найти полностью исходный текст в интернете проблематично, мы дадим краткий обзор его основных тезисов, надеясь быть полезными коллегам, занимающимся «архитектурой Марса».

Первые три главы были напечатаны в апрельском номере ИЖ за 1881 год. Ляпидевский начинает свою «Историю» с военных реформ Петра Первого. С появлением регулярной армии встал вопрос о ее размещении и решении сложных финансово-земельно-правовых вопросов, связанных с практикой постоя, являвшегося на протяжении двух веков серьезнейшим фактором социального напряжения (первая глава «Армия и Сенат»). Во второй главе рассматривается петровский проект военных колоний, начатый после победного завершения текущих войн, «так как настало время разрешить вопрос об установлении прочного порядка распределения войск на жительство и Петр, чтобы снять с народа тяжесть постоянной повинности, решил создать для армии

> Рис. 8. Рисунок фасада цейхгауза, выполненный по: РГИА. Ф. 1669. Оп. 1. Д. 7

v Рис. 9. Рисунок фасада морской казармы, выполненный по: РГИА. Ф. 218. Оп. 1. Д. 7482. Дело о постройке новых морских казарм рядом с Новой Голландией на набережной реки Мойки. Фасады, поэтажные планы, ген. план места. Арх. Желязевич Р. А. подл. Тушь, акв., бум. 65 × 47, 49 × 33, 64 × 93, 66 × 47, 36 × 97. 1844–1846

помещения, отдельные от населения, и тем уничтожить всякую надобность в постое» [3, с. 319].

Ляпидевский сообщает, что «статьей 19 от 26.06.1724 г. Петр возложил на полки обязанность строить себе слободы в каждой губернии». В августе были закончены типовые чертежи слобод с подробной экспликацией, разосланные генералитету и штаб-офицерам, и «Петр мог видеть, как <...> по всей России кипела дружная работа. Всюду начали возить лес, заготавливать кирпич, мох и другие строительные материалы» [3, с. 320], однако «великому Государю», скончавшемуся 28.01.1725 года, «не суждено было увидеть войска в собственных слободах» [3, с. 322].

В третьей главе «Истории казарменного помещения...» Ляпидевский подробно рассказывает запутанную историю проектирования и строительства военных слобод в городах. «В течение двух лет после смерти Петра от всех его предначертаний о порядке помещения войск не осталось и следа», – сокрушается Ляпидевский [3, с. 322]. Уже через две недели после смерти императора Екатерина I Указом от 12.02.1725 отменила строительство петровских военных колоний, и войска вернулись к практике поквартирного постоя. Однако после различных перипетий «полки было велено селить в городских слободах», причем построенные в уездах полковые слободы и дворы было велено разобрать и по воде сплавлять в города. Местом постройки гвардейских слобод Екатерина I назначила большую перспективную дорогу, ведущую от Адмиралтейства. Созданная Петром форма размещения (военные колонии в уездах) уступает место новой форме – полковым слободам в городах, которые просуществовали до конца XVIII столетия. Анна Иоанновна отменяет распоряжение своей предшественницы о военных слободах и возвращается к практике постоя. Гвардейские полки в Петербурге, как и армейские в провинциях, размеща-

ются по обывательским домам. Затем Анна Иоанновна принимает решение вернуться к строительству полковых слобод по всему государству. Правила построения очередных военных слобод были выработаны комиссией фельдмаршала Миниха в марте 1740 года. По этим правилам были построены гвардейские слободы в Санкт-Петербурге. В августе 1740 года большая часть солдатских домов Семеновской слободы (до 300 домов) была доведена до крыши, в апреле 1741 года приступили к постройке офицерских домов. Ляпидевский замечает, что в Семеновской слободе, за исключением цейхгауза, отстроенного в 1746 году, госпиталя (1779) и трех незначительных флигелей для офицеров, каменных зданий почти не существовало. Из научной добросовестности мы нашли в фондах РГИА чертеж крохотного цейхгауза, расшитого французским рустом (рис. 8).

Четвертая глава «Истории» вышла в февральском номере Инженерного журнала в 1882 году. В ней Ляпидевский, сам бывший известным юристом, пытался разобраться, «в каком отношении занятия войсками городских земель находилось к земельному праву городов? Кому принадлежат эти земли?» и возможно ли рассматривать русский город как экономический субъект? И только в пятой главе «Казармы», опубликованной в марте 1882, Ляпидевский наконец подошел к интересующему нас вопросу, подробно рассказав о строительстве гвардейских казарм, ставших основой архитектурного ландшафта Петербурга: «13 мая 1766 г. по Высочайшему повелению начинается перестройка деревянной слободы, где были размещены 4 гвардейских полка в каменные казармы» и т. д. Именно этот период русского казарменного строительства наиболее изучен историками архитектуры. Петербургские (как и европейские) казармы, построенные по вобановской системе, были гигантского размера (рис. 9).

6 глава «Истории» Ляпидевского была посвящена деятельности Инженерной экспедиции (№ 11–12, 1882), седьмая – «городскому военному хозяйству и его последствию» (№ 31883). В конце каждой главы сообщалось, что «окончание следует», но из-за неполного комплекта ИЖ в фондах столичных библиотек мы так и не смогли прочитать этот эпический труд полностью.

Суммируя основные тезисы Ляпидевского, можно выделить следующие чередующиеся формы двухвековой военной урбанизации: постой – военные колонии – постой – военные слободы – постой – постепенная замена деревянных изб капитальными громадными казармами – военные поселения – постой – массовое строительство казарм и окончательный отказ от практики постоя в 1882 году. В этот год весь казарменный капитал, образованный из денежных сборов за отбывание постоянной повинности, был передан в Военное министерство и направлен на строительство казарм [4].

При всей академичности работа Ляпидевского (которую мы относим к гражданским источникам) не затрагивала современного состояния гарнизонной архитектуры. В этом отношении гораздо информативнее огромное текста Ляпидевского был маленький очерк «О постройке казарм для войск», опубликованный в № 1 ИЖ за 1882 год (отличный пример военного источника) [5]. Автор очерка, укрывшийся под инициалами К. Д., перечисляет очевидные современникам «непреодолимые препятствия», связанные с размещением «по квартирам»: «например – неимение в целом городе удобных помещений для войск». «Ни для кого не новость, – пишет К. Д., – что наши армейские войска, не пользующиеся казарменным расположением, расквартированы по обывательским квартирам по большей части дурно, тесно, неудобно, самая небольшая единица полка – рота – иногда раскинута в нескольких домах»; «на каждого квартирующего человека приходится кубическое содержание воздуха меньше положенного по закону, дома по большей части бывают сыры и низки, температура воздуха достигает едва 14–15 градусов и то лишь, когда все люди в сборе»; «никакой вентиляции не имеется, воздух не возобновляется, если не считать притока воздуха через щели в полу и стенах»; «помещения имеют недостаточно солнечного света, так как окна обывательских домов малы» и проч., а между тем «Военное министерство платит городу или селению деньги, и деньги не малые» [5, с. 2–3]. Заметим, что мнение К. Д. о порочности практики постоя полностью поддерживается Кирпичёвым: «Как ни скудно устраиваются казармы, но в сравнении с помещением солдат на обывательских квартирах, часто (например, почти везде в юго-западном крае) казармы могут считаться дворцами» [2, с. 5].

К. Д. с негодованием вспоминает: «Мне самому приходилось видеть, как для жительства войск по необходимости пришлось приспособить нежилые сараи, стены которых состояли из тонких досок – все приспособление заключалось в том, что в стенах продельвались небольшие окна, а досчатый пол настилался прямо на голую землю, к этому прибавлялось только несколько круглых печей в железных футлярах» [5, с. 2]. Заметим, что для дальневосточных военных этот вариант был бы совсем неплох; им зачастую приходилось довольствоваться жалким подобием землянки – буквально ямой с навесом из веток или гаюляна. Изображения таких первобытных жилищ можно увидеть в иллюстрированных альбомах, посвященных военным действиям русской армии на северо-востоке Китая в 1900–1905. На первых порах потери дальневосточных войсковых соединений из-за невыносимых бытовых условий были катастрофичны, поэтому казаки стали занимать корейские и китайские фанзы, хотя их и удивляло экзотичное отопление

не печами, а канами – глиняными коробами-лежанками, куда подводились трубы с теплым воздухом. Только с активизацией деятельности Казарменной комиссии под руководством генерала от артиллерий Иосифа Карловича Гаусмана в Приморье и Приамурье началось массовое строительство казарм. Однако сенатор Глишинский в упомянутом выше отчете о расквартировании войск в Приамурском военном округе (1910) описывает темные, непроветриваемые, сырые и тесные землянки, где солдаты и даже офицеры вынуждены были жить круглый год из-за нехватки жилого фонда (напомним читателям, что, если срок солдатской службы в пореформенной материковой России составлял 4 года, то на окраинах – на Амуре и в Туркестане – 5 и 6 лет).

Однако вернемся к очерку в Инженерном журнале: автор со знанием дела анализирует финансовую сторону вопроса – коррупционные схемы оплаты квартир, отопления и освещения, разделяемые между Военным министерством и городскими правлениями, указывает на жадность и недобросовестность застройщиков-подрядчиков, норовящих сэкономить на военных заказах, и приходит к выводу, что «единственным удовлетворительным решением является строительство постоянных казарм для войск в местах их расположения». «Проекты таких казарм давно существуют, – пишет К. Д., – инженерное управление составило прекрасные нормальные чертежи для расположения отдельного пехотного батальона, эскадрона, батареи, а также для расположения целого полка пехоты, кавалерии, артиллерии» [2, с. 9]. Мы видели эти «прекрасные чертежи» в 1293 фонде РГИА; более того, многие положения пояснительной записки к типовым проектам дословно совпадают со статьями К. Д., что наводит на мысль о его участии в проектировании. «Остается воспользоваться этими чертежами, применить их на месте в каждом частном случае и приступить к постройкам казарм, – уверен К. Д., – а в случае, если бы города отказывались отвести безвозмездно место под постройку казарм, Военное министерство могло бы испросить Высочайшее разрешение на отчуждение места в пользу казны» [5, с. 9]. Автор очерка полагал, что «Военное министерство имеет все средства вести постройку казарм независимо от городских правлений: оно имеет специальный казарменный капитал и имеет корпус инженерных офицеров, готовый всегда выполнить на деле прекрасно разработанные на бумаге проекты» [5, с. 9].

Однако вопрос о замене практики постоя казарменным расселением, столь очевидный для авторов ИЖ, имел и противников в лице «прогрессивной общественности», муссировавшей эту тему в прессе [4]. Массовый переход от «привольной» (вне офицерского надзора) жизни «на квартирах» к жестко регулируемому казарменному порядку начался в России в середине XIX в. Более ранний опыт аракчеевских поселений доказал эффективность этого подхода, но процесс растянулся на десятилетия и сопровождался оживленной общественной полемикой (тема рассмотрена в работах Л. Е. Яковлевой и А. С. Орлова). В основном обсуждались санитарно-гигиенические проблемы, связанные с казарменным бытом: минимальные нормы площади и кубатура воздуха, чудовищная скученность, грязь и опасность эпидемий. Интересно, что противники казарм использовали те же аргументы, которыми оперировал автор ИЖ, описывая проблемы жизни в «обывательских домах». Помимо бытовых проблем обсуждались и «психологические» (невозможность бывшим крестьянам, привыкшим к привольному житию на природе, находиться в «каменных мешках») аспекты проблемы; благодаря усилиям либеральных журналистов в массовом сознании сложилось представление о солдатской казарме как о «тюрьме»

и «каторге». Эти штампы, пережив эпоху реформ, воспроизводились уже советскими пропагандистами вплоть до 1930-х годов. Не беремся судить, как в действительности обстояли дела в центральной России и столицах, но на Дальнем Востоке гарнизоны являлись первыми очагами цивилизации, а здания краснокирпичных казарм, построенных в 1910–1914, на фоне землянок и лагуч, в которых проживала основная часть переселенцев, выделялись добротной архитектурой, задавая культурные стандарты, воспроизводившиеся позже в обывательской застройке.

Из всего просмотренного нами «казарменного дискурса» именно подшивки «Инженерного журнала» конца XIX – начала XX вв., (1878–1914), содержащие значительный объем материалов о крепостной архитектуре (в основном на примере Порт-Артура и других маньчжурских фортификационных сооружений) и деятельности русских войск в северо-восточных провинциях Китая, оказались наиболее интересными. Анализ авторами «Инженерного журнала» штурма Пекина, осады Порт-Артура и русско-японской войны растянулся на десятилетие. Практически в каждом номере печатались воспоминания непосредственных участников событий в Маньчжурии и на Квантунском полуострове, рассказанные прекрасным литературным языком и содержащие множество профессиональных описаний инженерных инфраструктур и сооружений, осаждаемых, разрушенных и восстановленных в ходе боевых действий, с приложением подробнейших чертежей, карт и схем упоминаемых локаций. В «Инженерном журнале» довольно часто публиковались рационализаторские предложения об устройстве в гарнизонах и лагерях различных технических приспособлений (хлебобезок, прачечных, отопительных и канализационных систем, сушилен и проч.), облегчающих походный и гарнизонный быт.

2. Обзор современных источников. Для понимания исторического контекста нами были изучены недавние англоязычные публикации, в той или иной степени затрагивающие тему казарм и гарнизонов. Рассмотрим две работы, посвященные, во-первых, эволюции казарм в трех фортах Вайоминга на протяжении второй половины XIX и начала XX века [6]; во-вторых, критическому анализу ранних военных поселений, созданных французским инженерным корпусом в Сенегале и Западном Судане во второй половине XIX века [7]. Трактовка военного урбанизма как действенного способа колонизации недавно присоединенных территорий позволяет провести некоторые параллели с военной колонизацией Тихоокеанской России, имевшей все же принципиально иной (цивилизационный, а не хищнический) характер, чем экспансия британцев в Северной Америке и французов в Франсафрике.

Архитектура фронта. Книга Элисона Хогланда называется «Army Architecture in the West», что почти полностью (за исключением региона) совпадает с темой нашего исследования – военной архитектурой Дальнего Востока. Американский историк выделяет три этапа развития военных поселений (на примерах фортов Ларамы, Бриджер и Рассел) в Вайоминге: ранний (1849–1869), переходный (1867–1890) и поздний (1890–1912), что примерно соответствует периодам военной колонизации Тихоокеанской России; только поздний период в России заканчивается в 1914, а не 1912 году.

На раннем – фронтирном – этапе основным строительным материалом и в Вайоминге и Приморье/Приамурье служило дерево. Э. Хогланд отмечает, что в форте Ларамы первые казармы были двухэтажными, деревянными, обшитыми досками, а в форте Бриджер использовалась бревенчатая конструкция (вероятно, срубы, обычные и для восточно-сибирского фронта). Из-за жестких

климатических условий планировки первых казарм в американских фортах имели не зальную, а комнатную структуру: солдаты спали в небольших помещениях, которые легче было протопить и «надышать». В русских гарнизонах (впрочем, как и в русских деревнях, и в городских усадьбах) из соображений пожарной безопасности кухни и столовые делали в отдельных строениях («надо стараться помещать кухни отдельно от жилых помещений, соединяя их хорошо проветриваемым коридором» [2, с. 23]). А вот британцы на дальнем западном фронтире воспроизводили привычную планировочную структуру городского дома: маленькие спальни на втором этаже, а на первом – кухня, столовая и комнаты унтер-офицеров. Хогланд пишет, что из-за холода и сквозняков солдаты спали по двое на двухъярусных деревянных нарах и конопатили щели и отверстия мхом, начисто перекрывая приток свежего воздуха. На Дальнем Востоке (как и в материковой России) мох также использовался при строительстве деревянных казарм, но практика спать по двое для сохранения тепла вряд ли имела широкое распространение.

В переходный период появляются новые строительные материалы – саманный кирпич и бетон, и, под влиянием новых санитарно-гигиенических представлений о необходимости свежего воздуха получают распространение зальные планировки («открытые дортуары», как называет их Хогланд). На Дальнем Востоке отказ от деревянных казарм в пользу кирпичных с зальными планировками произошел чуть позже – в начале XX в.

В 1870-х американская армия начинает заменять двухъярусные деревянные койки на одноярусные железные, в казармах появляются умывальники, а в некоторых случаях и ванны комнаты. Упоминания ванн в описаниях гарнизонного быта в Приамурском военном округе нам не встречалось, но в инвентарных перечнях казарменных меблировок присутствуют и рукомойники, и нормальные железные кровати, и рундуки.

С 1890-х усиливается стандартизация: американская армия начинает использовать типовые проекты для строительства казарм, что приводит к единообразию и повышению качества строительства. В начале XX в. в казармах Вайоминга появляется электричество, центральное отопление и водопровод. В фортах, которые изучал Хогланд, все казармы, построенные в поздний (1890–1912) период, двухэтажные, краснокирпичные, с просторными дортуарами, столовыми, комнатами отдыха и санитарными узлами. В Южно-Уссурийском крае (от Новоклевского и Барабаша до Никольска-Уссурийского и Владивостока), в Хабаровске и Николаевске-на-Амуре примерно в это же время все чаще строятся двух-трехэтажные кирпичные казармы, архитектура которых становится все выразительнее. Заметим, что, если американская военная архитектура развивалась по пути типизации, в дальневосточной гарнизонной архитектуре начала XX в. все сильнее звучали индивидуальные приемы местных архитекторов.

Тихоокеанская Россия/Франсафрика: внезапные параллели. Вторая монография, взятая нами для обзора, называется «Military Settlement Forms in Colonial Dakar and Western Sudan: Hesitative Moments». На первый взгляд выбор побережья Западной Африки и Судана для сравнительного анализа с освоением новых восточных окраин России неочевиден. Однако растущее внимание соотечественников к историческому культурному наследию (в том числе колониального периода) Африки дает авторам статьи надежду, что коллегам будут интересны некоторые хронологические и фактологические совпадения, выявленные нами. Прежде всего, отметим практически одновременное начало освоения французами Сенегала и русскими Приамурья: в 1857 году верховный главнокомандующий французским экспедиционным

корпусом Леопольд Проте поднял флаг Республики над только что заложенной крепостью (будущей столицей) Дакаром. В те же годы (1856–1860) генералом-губернатором Восточной Сибири графом Н. Н. Муравьевым-Амурским были основаны русские города Благовещенск, Хабаровск, Владивосток и подписаны два ключевых договора (Айгунский, 1858 и Пекинский, 1860), регулирующие русско-китайскую границу. Л. Порте в Сенегале, как и Г. И. Невельской на Амуре, действовал на свой страх и риск, без оглядки на метрополию. На полуострове Кап-Верте, как и в северо-восточных провинциях Китая, не говоря о Приморье и Приамурье, до появления русских не было европейских построек, за исключением католических миссий (о роли которых в процессе вестернизации Дальнего Востока мы писали ранее). Однако в Маньчжурии и Приморье русские обнаружили множество т. н. «импаней» – глинобитных квадратных в плане крепостей с укрепленными углами, мощными воротами и внутренним двором, которые на первых порах служили местом размещения наших батальонов. В качестве западноафриканского аналога маньчжурских импаней можно рассматривать «таты» – исторические укрепленные комплексы из кирпича-сырца, широкое распространение которых, по мнению автора монографии, может дать представление о масштабах местного контроля над пространством в доколониальный и раннеколониальный периоды. Главным препятствием для освоения новых территорий и французы в тропической Африке, и русские в Приморском крае считали экстремальные природно-климатические условия, ведущие к высокой смертности первых поселенцев. Параллели можно найти даже в наличии парных (военно-административных и «купеческих» – торговых) городов. На полуострове Кап-Верте неподалеку от города-крепости Дакара развивался коммерческий Руфиск. На русском Дальнем Востоке аналогичные пары представляли военно-административный Хабаровск, где размещался штаб округа, и Владивосток, процветавший благодаря режиму порто-франко. Еще более наглядной парой «город Марса»/«город Гермеса» являлись город-крепость Порт-Артур и коммерческий порт Дальний, расположенные на Ляодунском полуострове. Расцвет Дакара (как Харбина и Хабаровска) связан со строительством железной дороги; эти города выполняли столичные функции огромных, оторванных от метрополий новых территорий и проч. Однако главным пунктом, позволяющим выстраивать параллели между французской Западной Африкой и Тихоокеанской Россией, является роль инженерных корпусов в процессе архитектурно-градостроительного оформления новых территорий. Роль военных инженеров в освоении Дальнего Востока хорошо изучена; достаточно сослаться на монографию М. Е. Базилевича и Н. П. Крадина [8]. Во французских колониях на первых этапах строительство также контролировалось военной администрацией; Инженерный корпус (Corps du Génie) играл ведущую роль в решении вопросов градостроительства.

Даже на этих двух примерах (Вайоминг, Сенегал) можно выявить общие черты военных колонизаций и провести параллели с тихоокеанским фронтиром.

Заключение. Изучив массив материала, написанного в разное время и часто с полярных точек зрения, мы в очередной раз убеждаемся в необходимости периодической «смены оптики», которая позволяет более объективно оценивать архитектурно-градостроительное наследие военного ведомства. Если сторонники постколониальных теорий рассматривают казармы как инструмент колониализма, мы склонны видеть в наших краснокирпичных дальневосточных казармах памятник великой эпохи государственного строительства.

Литература

1. Иванова, А. П. Военные инженеры и А. И. фон Гоген – создатели Порт-Артура // Проект Байкал. – 2023. – № 2 (76) – С. 86–93. – DOI: <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/76.2152>
 2. Кирпичев, Н. Л. Казармы и госпитали : Курс ст. кл. Николаев. акад. Ген. штаба : Конспект, сост. по лекциям Н. Л. Кирпичева. – Санкт-Петербург : типо-лит. И. А. Литвинова, 1887. – 54 с.
 3. Ляпидевский, Н. П. История казарменного помещения войск в России // Инженерный журнал. – 1881. – № 4. – С. 304–351; 1882. – № 2. – С. 117–151; 1882. – № 3. – С. 317–336; 1882. – № 11–12. – С. 1255–1266; 1883. – № 3. – С. 339–353.
 4. Орлов, А. С. «Постоянная повинность есть, конечно, одна из самых тягостных для граждан». Постоянная повинность и строительство казарм в Российской империи второй половины XIX века // Via in tempore. История. Политология. — 2020. — Т. 47. — С. 815–816.
 5. К. Д. О постройке казарм для войск // Инженерный журнал. – 1882. – № 1. – С. 1–10.
 6. Hoagland, A. K. Army Architecture in the West: Forts Laramie, Bridger, and D. A. Russell, 1849–1912. – Норман: University of Oklahoma Press, 2004. – 352 с.
 7. Bigon, L. Military Settlement Forms in Colonial Dakar and Western Sudan: Hesitative Moments // Journal of Asian and African Studies. 2016. V 51, No 4, P. 494–608.
 8. Базилевич, М. Е., Крадин, Н. П., Иванова, А. П. [и др.]. Архитекторы и инженеры восточных окраин России второй половины XIX – начала XX века. – Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2023. – 271 с.
 9. Тыцкий, Г. И. История казарменного строительства в России и системы расквартирования войск. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014. – 186 с.
- ## References
- Bazilevich, M. E., Kradin, N. P., & Ivanova, A. P. et al. (2023). *Arkhitektory i inzheneri vostochnykh okrain Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [Architects and engineers of the eastern outskirts of Russia in the second half of the 19th – early 20th century]*. Khabarovsk: Pacific National University.
 - Bigon, L. (2016). Military Settlement Forms in Colonial Dakar and Western Sudan: Hesitative Moments. *Journal of Asian and African Studies*, 51(4), 494–608.
 - Hoagland, A. K. (2004). *Army Architecture in the West: Forts Laramie, Bridger, and D. A. Russell, 1849–1912*. Norman: University of Oklahoma Press.
 - Ivanova, A. P. (2023). The creators of Port Arthur: Military engineers and A. I. von Gogen. *Project Baikal*, 20(76) pp. 86–93. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/76.2152>
 - Kirpichev, N. L. (Ed.). (1887). Baraki i gospiitali [Barracks and hospitals]. In *Course of senior classes of the Nikolaev Academy of the General Staff. Abstract compiled from lectures by N. L. Kirpichev*. St. Petersburg: Litvinov Printing House.
 - K. D. (1882). O postroike kazarm dlya voisk [On the construction of barracks for troops]. *Engineering Journal*, 1, 1–10.
 - Lyapidevsky, N. P. (1881–1883). Istoriya kazarmennogo pomeshcheniya voisk Rossii [History of the barracks of troops in Russia]. *Engineering Journal*, 4(1881), 304–351; 2(1882), 117–151; 3(1882), 317–336; 11–12(1882), 1255–1266; 3(1883), 339–353.
 - Orlov, A. S. (2020). “Postoinaya povinnost est, konechno, odna iz samykh tyagostnykh dlya grazhdan.” Postoinaya povinnost i stroitelstvo kazarm v Rossiiskoi imperii vtoroi poloviny XIX veka [Billing duty is, of course, one of the most burdensome for citizens. Billeting duty and the construction of barracks in the Russian Empire in the second half of the 19th century]. *Via in tempore. History. Political science*, 47, 815–816.
 - Tytsky, G. I. (2014). Istoriya kazarmennogo stroitelstva v Rossii i sistemy raskvartirovaniya voisk [History of barracks construction in Russia and the systems of troop quartering]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.